

Верлена, в обилии появившихся в русской периодике в связи со смертью поэта 9 января 1896 года, вполне соответствовали тону рецензий на произведения Сологуба:

«Болезненный талант, плывущий без руля и ветрил, без всякого умственного и нравственного компаса по мелкому и мутному морю личных ощущений»;²⁵

«Это жизнь, полная грязи и физической, и нравственной, полная пороков и заблуждений, но в то же время богатая покаянием и самобичеванием, богатая чудными порывами окрыленной души, никогда не терявшей детской непосредственности и в сущности даже чистоты»;²⁶

«Вся его пятидесятидвухлетняя жизнь прошла в оргиях, нищете, пьянстве, болезни и писании стихов; он переходил из кабака в тюрьму, где, по его собственным словам, содержался за все, кроме воровства, из тюрьмы в больницу и обратно, от скептицизма и порнографии к мистическому фанатизму и католическому ультрамонтанству, но всегда и везде оставался истинным поэтом»;²⁷

«...Он выпустил несколько поэм, отличавшихся изяществом формы, оригинальностью выражений, но в то же время и болезненностью настроения. Эта болезненность, доходившая до извращенности чувства, отличала собой и частную жизнь Верлена. <...> Верлена отличает именно желание актерствовать и часто навязывать себе же чувства, которых у него не было. Многие критики, однако, находят в таланте Верлена непосредственность и наивность».²⁸

Однако одновременно началось и преодоление подобных стереотипов. Тонкий знаток европейской культуры З. Венгерова дала Верлену прямо противоположную оценку: «В литературе Верлен по какому-то недоразумению считается главой школы, между тем как по существу он менее всего представитель какой-нибудь определенной формулы искусства. <...> Чуждый всякой догматичности, дерзновенно свободный в жизни и творчестве, Верлен примыкает к той исключительной категории поэтов, которые являются живым протестом против всего общепринятого, условного, ограниченного известным кодексом житейской морали».²⁹

Во многом благодаря Верлену и Сологуб смог перерасти ограничения изначально выбранной «формулы» и обрести подлинную творческую свободу.

²⁵ Н. К. [Русанов Н. С.]. Из Франции // Русское богатство. 1896. № 1. С. 128.

²⁶ Вестник иностранной литературы. 1896. № 2. С. 267.

²⁷ Исторический вестник. 1896. № 2. С. 712.

²⁸ Всемирная иллюстрация. 1896. № 1412. (17 февраля). С. 208.

²⁹ Венгерова З. Поль Верлен // Северный вестник. 1896. № 2. С. 271–272.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-162-182

© М. М. Павлова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. Н. ГИППИУС: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920–1924) СТАТЬЯ 1

Жизненный путь второй по рождению из четырех сестер Гиппиус — Анны Николаевны (1875–1942), известной единичными публикациями в зарубежной печати,¹ по сей день остается недостаточно проясненным. Сведения о ее раннем (петербургском)

¹ В 1927 году в Париже в издательстве YMCA-Press вышла брошюра А. Н. Гиппиус «Святой Тихон Задонский: Епископ Воронежский и всея России чудотворец»; в 1928 году в газете «Последние новости» был опубликован ее рассказ «О кошке, которую звали собачкой» (№ 2690. 3 авг. С. 2); посмертно напечатан очерк «Обитель Соловецкая» (1926) — о соловецких чудотворцах Савватии и Зосиме (Возрождение. 1958. № 83. С. 13–26).

периоде можно найти в работах, посвященных творческой биографии поэта-символиста Ивана Коневского (И. И. Ореуса; знакомство с сестрой З. Н. Гиппиус, состоявшееся в 1898 году, оставило след в его поэзии²); в письмах-дневниках Т. Н. Гиппиус (1906–1908)³ и, главным образом, в биографическом очерке А. Л. Соболева, в котором путь «четвертой сестры» прослеживается до начала Первой мировой войны.⁴ «Дальнейшая ее биография, — справедливо пишет исследователь, — известна почти пунктирно — считанные беллетристические опыты; тщетные попытки пристроиться врачом при католическом монастыре, редкая переписка с сестрой⁵ — и внезапная смерть, наступившая 11 ноября 1942 года на парижской улице».⁶

Значительные лакуны в биографии А. Н. Гиппиус — факт примечательный, но объяснимый. Она никогда не принадлежала к кругу Мережковских, как, например, младшие Гиппиус Татьяна (1877–1957) и Наталья (1880–1963). В отличие от сестер, связавших свою жизнь с литературой и искусством,⁷ Анна, хотя и имела склонность к писательству и даже училась на историко-филологическом отделении Высших женских курсов,⁸ в итоге предпочла практическую профессию: в 1903 году закончила в Харькове Женский Медицинский институт с дипломом врача-акушера, а в 1904-м отправилась на место врача в село Николаевка Волчанского управления Харьковской губернии. Попытки найти работу в Петербурге и соединиться с родными ни к чему не привели, отчасти из-за установленного за ней политического надзора (эта история подробно документирована в очерке А. Л. Соболева), отчасти по внутренним причинам.

Анна была далека от религиозно-общественных вопросов, волновавших сестер. Закрытая жизнь неохристианской коммуны,⁹ обустроенной Татьяной и Натальей в квартире Мережковских на время их отъезда во Францию (1906–1908), была для нее малопонятной и неприемлемой. Она осуждала сестер и их со-молитвенников (А. В. Карташева, В. В. Кузнецова, С. П. Ремизову) за сектантство и келейность, что привело к обоюдному резкому и болезненному разрыву отношений.¹⁰

² См.: *Мордерер В. Я.* Блок и Иван Коневский // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4. С. 175; *Коневский И.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. А. В. Лаврова. СПб.; М., 2008. С. 47–48, 120–123, 252–253 (Новая Библиотека поэта); *Гроссман Джоан Д.* Иван Коневский, «мудрое дитя» русского символизма. СПб., 2014.

³ Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Эротизм без берегов. М., 2004 (по указ.).

⁴ *Соболев А. Л.* Четвертая сестра // Соболев А. Л. Тургенев и тигры: Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 235–253. В очерке опубликованы биографические документы А. Н. Гиппиус, хранящиеся в ЦГИА, ГАРФ и др., в том числе отчеты полицейского управления об установленном за ней надзоре.

⁵ См.: Письма З. Н. Гиппиус к сестре Анне // Пахмусс Т. Страницы из прошлого: Из переписки Зинаиды Гиппиус. Frankfurt a/M., 2003. С. 263–276.

⁶ *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 253. О кончине Анны см.: *Злобин В. А.* Тяжелая душа: Литературный дневник. Воспоминания. Статьи. Стихотворения / Сост. и прим. Т. Ф. Прокопова. М., 2004. С. 411 («Когда 11 ноября <19>42 г. внезапно, на улице, умерла ее сестра Анна, она (З. Н. Гиппиус. — М. П.) записывает в своем дневнике: „С того дня, в ноябре, когда умерла Ася, я каждый час чувствую себя все более оторванной от плоти мира (от материи)“»).

⁷ Т. Н. Гиппиус в 1901–1909 годах занималась станковой живописью, рисунком и графикой в Высшем художественном училище при Академии художеств, в мастерской И. Е. Репина и затем Ф. А. Рубо; о ее работах см.: *Павлова М. М.* Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (По «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144. Н. Н. Гиппиус в 1903–1912 годах обучалась на скульптурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева. См. о ней: *Логдачева Н. В.* Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. 27. С. 172–178.

⁸ См. автобиографическую справку А. Н. Гиппиус: *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 237.

⁹ Подробнее см.: *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242.

¹⁰ Подробнее см.: Истории «новой» христианской любви. С. 402–403.

Ася (так ее звали в семейном кругу) вернулась в Николаевку. Сестры узнавали о ней через кузину Сою — Софью Александровну Клепинину (урожд. Степанова; 1973–1923), с которой та поддерживала тесные отношения.¹¹ Муж Сони Андрей Николаевич Клепинин (1871–1954) — архитектор, занимался строительством и благоустройством Минеральных Вод и их окрестностей;¹² после 1907 года работал в Одессе, куда переехала семья. Возможно, по этой причине Анна стремилась найти практику на юге, поблизости от родных,¹³ где подрастали ее племянники — Николай и Дмитрий,¹⁴ ко второму — младшему — она испытывала особую привязанность.¹⁵

Время от времени Анна наезжала в Петербург, однако дистанция между нею и сестрами не сокращалась. В августе 1913 года Т. Н. Гиппиус писала Д. В. Философовой в Эссендуки: «Вижу, что очень хорошо сделала, что так не пустила Асю на дачу. Очень к нам не подходит, к жизни, и все вы к ней. П<отому> ч<то> очень много, чтобы подверглось критике, и мне было бы ее жалко. Кроме того, она очень ни с чем „не считающаяся“ и везде ищущая личинки.¹⁶ Ей вовсе не надо дачи. Леса она не любит, травки тоже — поразительно равнодушна. Любит море. А о России говорит: с удовольствием бы эмигрировала. И не как-нибудь идейно, а просто ей нечего здесь любить. О Соне говорит как-то не так. Ничего нашего, глупые мы: по Асе вижу, что Зина нам вовсе не только сестра — и что самое главное и вовсе никогда не затирается. А ты нам кто? А Дмитрий? Ценить надо. Ценить».¹⁷

В 1914 году как действующий врач А. Н. Гиппиус могла быть мобилизована на фронт, но, видимо, это произошло позднее и по ее личному порыву — в 1917-м во время мобилизации, объявленной Временным правительством (тогда же и Н. Н. Гиппиус собиралась поступить в Женский батальон).¹⁸ 30 июня 1917 года Татьяна сообщала Мережковским: «Ася в Киеве. Пойдет в мобилизацию».¹⁹

Дальнейшая биография А. Н. Гиппиус (годы эмиграции) прослеживается, опять же отрывочно, по материалам, хранящимся в Амхерстском центре русской культуры

¹¹ Когда дети подросли, С. А. Клепинина основала в Одессе новаторскую школу, в которой поощряла творчество, сама преподавала Закон Божий; позднее была одной из первых мировых судей в Одессе, занималась социальной помощью в бедных одесских кварталах (подробнее см.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 2004. Т. 187. № 1. С. 36).

¹² См.: *Боглачев С. В., Савенко С. Н.* Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск: Снег, 2006. С. 141–144.

¹³ По документам, А. Н. Гиппиус вплоть до начала войны работала в больнице Николаева Херсонской губернии, см.: *Соболев А. Л.* Четвертая сестра. С. 251.

¹⁴ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941) — писатель, историк, с 1920 года в эмиграции (вместе с семьей), жил в Белграде, затем в Париже, работал в издательстве YMCA-Press, участвовал в евразийском движении, сблизился с С. Я. Эфроном; участвовал в деятельности «Союза возвращения на родину», в 1938 году вернулся в СССР; расстрелян в июне 1941 года (вместе с женой Ниной Николаевной и Эфроном), подробнее см.: Болшево: Литературный историко-краеведческий альманах. № 2 / Сост., подг. текста О. Ждановой, М. Фейнберг. М., 1992. Клепинин Дмитрий Андреевич (1904–1944) — с 1920 года в эмиграции (Константинополь, Югославия, Франция); в 1925–1929 годах учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже, в 1937 году рукоположен, в 1939-м назначен настоятелем православного храма Покрова Пресвятой Богородицы в Париже. Во время немецкой оккупации спас сотни евреев, выдавая им справки о крещении и принадлежности к приходу. В феврале 1943 года был арестован и заточен в концентрационный лагерь Компьень, в декабре переведен в Дор — одно из подразделений Бухенвальда, умер 8 февраля 1944 года. В 2004 году прославлен в лике святых. См.: *Жизнь и житие священника Дмитрия Клепинина. 1904–1944* / Сост. Т. В. Викторова, Н. А. Струве. М., 2004.

¹⁵ См.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина. С. 34–37.

¹⁶ Здесь образно: ищущая болезнь, заразу.

¹⁷ РНБ. Ф. 481. Ед. хр. 179. Л. 7 (письмо от 24 августа 1913 года, в этот день Мережковские выехали в Кисловодск).

¹⁸ *Павлова М. М.* «Вижу отсюда: буча из-за войны разгорается...». Из писем Т. Н. Гиппиус к З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковскому и Д. В. Философовой. Апрель–август 1917 г. // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 331–332 (запись от 13 июня 1917 года).

¹⁹ РНБ. Ф. 481. № 217. Л. 18 об.

(Массачусетс),²⁰ Библиотеке Иллинойского университета (Урбана-Шампейн)²¹ и Гуверовском институте.²² Этот рассредоточенный по разным архивам корпус бумаг А. Н. Гиппиус включает неопубликованные рукописи и биографические документы: тексты докладов религиозно-философского содержания «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь» (1921) и «Католичество и православие» (1924), тетрадь «Мои мемуары» с заметками и литературными опытами (1902–1911), миниатюры в прозе, отосланные в газету «Последние новости» (факт публикации не выявлен);²³ военный дневник 1919 года, два письма к А. В. Карташеву из Константинополя и Белграда (1921), письма к З. Н. Гиппиус из Сербии и Франции (1922–1930); альбом с фотографиями «Memorabilia».

Наиболее ценной частью этого корпуса являются рукописи и письма, в которых А. Н. Гиппиус раскрывается с неожиданной стороны — как человек, причастный к религиозно-общественной деятельности, участница Русского студенческого христианского движения за границей, как «женщина высокого христианского качества, праведница»,²⁴ и тем самым обнаруживает глубокую духовную близость с сестрами.²⁵

Центральное место здесь занимают письма к З. Н. Гиппиус; их более 50, первое датировано 9 января 1922 года (из Белграда), последнее — 30 ноября 1930-го из Клозона (Франция). Обратные корреспонденции, очевидно, сохранились не в полном объеме. Т. Пахмусс опубликовала 11 писем, первое датировано 28 октября 1922-го, последнее — 12 августа 1941 года.²⁶ Возможно, недостающая часть переписки имеется в парижском семейном архиве Клепониных, где находится поздний дневник Анны Гиппиус.²⁷

Основные темы писем: поиски своего пути в эмиграции; самоопределение по отношению к Русской Зарубежной церкви (упоминаются иерархи: митрополит Антоний (Храповицкий),²⁸ епископ Вениамин (Федченков),²⁹ митрополит Анастасий

²⁰ Amherst College, Amherst Center for Russian Culture (USA). Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 1. Box 2. Folder 9–15, 19. Далее сокращенно: Amherst.

²¹ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996. Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 1–5.

²² Hoover Institution Archives. Boris I. Nikolaevsky Collection. Box 637. Folder 33.

²³ Миниатюры (авторизованная машинопись): «Степан с Дона» («Полотер»), «Кoftа», «Золотое дитё», «Богдановичева дырда», «Пудель», «Грехи», «Вопрос» (Ibid.).

²⁴ Слово митрополита Евлогия на собрании памяти о. Дмитрия Клепинина // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 86. Евлогий подчеркивал, что А. Н. Гиппиус «имела большое духовное влияние на Дмитрия Клепинина» (Там же).

²⁵ Т. Н. и Н. Н. Гиппиус принадлежали к «катакомбной» или «иосифлянской» церкви, поведники которой не приняли декларацию митрополита Сергия (Страгородского) о лояльности по отношению к атеистической советской власти.

²⁶ См.: Письма З. Н. Гиппиус к сестре Анне. С. 263–276; Hippus's Letters to A. N. Hippus // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 525.

²⁷ См.: Материалы к жизнеописанию о. Дмитрия Клепинина. С. 49 (в публикации использованы фрагменты дневника А. Н. Гиппиус, хранящегося в архиве Е. Д. Клепининой-Аржаковой, Париж).

²⁸ Антоний (Алексей Павлович Храповицкий, 1863–1936) — первоиерарх Русской православной церкви за границей (РПЦЗ); богослов, духовный писатель. В 1920 году в Крыму возглавлял Временное Высшее Церковное управление (ВВЦУ), с ноября 1920 года в эмиграции в Константинополе, с февраля 1921 года в Югославии; председатель Первого Русского Всеаграничного Церковного Собора в Сремских Карловцах (21 ноября — 2 декабря 1921). Собор высказался за восстановление в России монархии и обратился к мировым державам с призывом не признавать власти большевиков и помочь Белому движению. Подробнее см.: Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2001. Т. 2. С. 646–652 (автор статьи: Э. П. Р.).

²⁹ Вениамин (Иван Афанасьевич Федченков, 1882–1961) — епископ РПЦЗ, подвижник, миссионер, духовный писатель. С ноября 1920 года в эмиграции, в 1921 году — начальник Пастырских курсов в Константинополе, организатор собрания клириков и мирян (см.: *Зернов Н. М. За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых)* / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1973. С. 17). Участвовал в подготовке Первого Всеаграничного Карловацкого Собора, поддерживал политику независимости Церкви от политических интересов,

(Грибановский),³⁰ митрополит Евлогий (Георгиевский)³¹ и др.); судьбы родственников на чужбине (Клепининых, Степановых и их детей: Николая, Дмитрия, Татьяны, Александра, Ирины³²) и оставшихся на родине — Татьяны и Натальи.

Отдельные корреспонденции содержат приходившие с оказией из России письма Татьяны и Натальи.³³ Анна переписывала их и отсылала Мережковским (в письмах Натальи эзоповым языком сообщается об аресте (1929) и пребывании Татьяны в Соловецком лагере³⁴). Появление в эмиграции литературного имени Анна Гиппиус, как явствует из переписки, связано, главным образом, с необходимостью автора заработать деньги, которые она отправляла в Россию сестрам (о чем сообщала в письмах к З. Гиппиус). Некоторые послания содержат стихи, в основном духовного содержания.

что привело к конфронтации с митрополитом Антонием (Храповицким) и монархически настроенными участниками Собора. С 1933 года экзарх Московской Патриархии в Америке, архиепископ Алеутский и Северо-Американский; с 1948 года в СССР, управлял различными кафедрами. Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 7. С. 652–654 (автор статьи: А. К. Светозарский).

³⁰ Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский, 1873–1965) — епископ РПЦЗ, митрополит Восточноамериканский и Нью-Йоркский; второй, после митрополита Антония, председатель Архиерейского Синода РПЦЗ. В октябре 1920 года ВВЦУ Юго-Востока России был назначен управляющим русскими приходами Константинопольского округа, в ноябре включен в состав ВВЦУ, заседания которого проходили в Константинополе, и избран заместителем митрополита Антония (Храповицкого). В апреле 1921 года был направлен в Иерусалим для наблюдения за Русской духовной миссией; в апреле 1922-го избран председателем Русского комитета в Турции. На Первом Всеамериканском Соборе в Сремских Карловцах в числе других членов Собора сделал письменное заявление, оценившее постановку вопроса о монархии как «не подлежащую обсуждению церковным Собором ввиду ее политического характера». С 13 сентября 1922 года вошел в созданный Архиерейским Собором временный Архиерейский Синод (вне юрисдикции Московского Патриархата). Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 2. С. 237–239 (автор статьи: прот. Владислав (Цыпин)).

³¹ Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946) — богослов, митрополит, с 1921 года — управляющий русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе. На Первом Всеамериканском Соборе в Сремских Карловцах выступил против участия православной Церкви за рубежом в политической деятельности монархического толка и этим сумел привлечь широкие круги русской эмиграции. С 1922 года глава церковного управления в Париже, инициатор создания Православного Свято-Сергиевского богословского института, в 1925–1946 годах его ректор. В 1927 году в ответ на требование заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) согласился дать подписку о «лояльности» по отношению к советскому правительству, оговорив, что понимает под этим аполитичность, а не подчинение Советской власти. Позиция Евлогия вызвала негативную реакцию со стороны многих эмигрантов, в том числе З. Н. Гиппиус, см. ее письмо к В. Ф. Ходасевичу от 26 октября 1927 года: *Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / Ed. by E. Freiberger-Sheikholeslami. Ann Arbor: Ardis, 1978. С. 86). В 1931 году с частью приходов перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Подробнее см.: Православная энциклопедия. Т. 17. С. 161–167 (авторы статьи: Т. А. Богданова, А. К. Клементьев, В. И. Косик). См. также: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни [Воспоминания, изложенные по его рассказам Т. Манухиной]. М., 1994.

³² Степанов Александр Васильевич (1901–?) — сын В. А. Степанова, во время Гражданской войны служил в Севастополе на миноносце, с 1920 года в эмиграции в Константинополе, учился в Робертс-колледже, в 1921 году уехал в США (жил в Техасе). Ирина Васильевна Степанова (в замуж. Окунева; 1904–?) — с 1920 года в эмиграции в Константинополе, затем в Югославии (1921–1924), с 1924 года во Франции, впоследствии в США (Бостон). Активистка РСХД, секретарь русской штаб-квартиры YMCA в Париже. См. о них в воспоминаниях Д. А. Клепинина, приводимых в книге: *Жизнь и житие священника Дмитрия Клепинина.* С. 98–99.

³³ О судьбе Т. Н. и Н. Н. Гиппиус см.: *Филлипов Б.* Всплывшее в памяти. Рассказы. Очерки. Воспоминания. London, 1990. С. 253–259 (впервые: Новый журнал. 1988. № 171. С. 246–255); *Ковалев Б. Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004. С. 379–380; *Мантейфель С.* Воспоминания о Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус // Мантейфель С. Бегство из погони. Воспоминания, стихи. Великий Новгород, 2010. С. 108–147 (о послевоенном новгородском периоде; впервые: Чело (Великий Новгород). 2000. № 1. С. 38–47); *Белавская А. П.* Воспоминания о Т. Н. и Н. Н. Гиппиус / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 707–721.

³⁴ Т. Н. Гиппиус была арестована по делу кружка «Воскресение», руководимого А. А. Мейером, см.: «Дело А. А. Мейера» / Публ., подг. текста, вступ. заметка и прим. И. Флиге и А. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 157–207.

Мы сосредоточимся на дофранцузском периоде биографии Анны, то есть первом пятилетии после бегства из России, сведения о котором практически отсутствуют, за исключением упоминаний о ней В. В. Зеньковского³⁵ и Н. М. Зернова³⁶ в мемуарах о белградском религиозно-философском кружке, двух писем З. Н. Гиппиус, адресованных ей в Белград,³⁷ и других единичных источников.

Итак, в 1917 году А. Н. Гиппиус отправляется на фронт. Дальнейший ее путь прослеживается в дневнике 1919 года. Во время Гражданской войны она служила врачом в санитарном поезде Добровольческой армии в частях генерала А. И. Деникина. Дневник содержит по большей части отрывочные заметки, в которых она фиксирует маршрут и стоянки поезда: Звереве — Иловайская — Ростов-на-Дону — места сражений и, что несколько неожиданно, посещение церквей, с описанием богослужений. Пространственных заметок в дневнике немного, например, в записи от 20 апреля 1919 года приведено письмо В. А. Степанова³⁸ о сдаче союзниками Одессы: «А Вася пишет: проклятые подлые французишки предали Одессу и Крым. Просто и прямо предали большевикам со всеми имущественными запасами и людьми. Что происходило в 48 часов, когда французы бросились бежать из Одессы и победили большевики — описанию не подлежит. Наши сейчас хотели уезжать все. Метались целый день по порту в поисках парохода, измучились, истрадались, <нрзб.> и со всеми тюрюками³⁹ вернулись домой. Команды бросили пароходы, потушили котлы, по большей части испортили машины».⁴⁰

В конце 1920 года вместе с отступавшими частями Белой армии А. Н. Гиппиус оказалась в Новороссийске, откуда эвакуировалась в Константинополь, где соединилась с Клепиниными и Степановыми.

Сохранившиеся письма к З. Н. Гиппиус свидетельствуют о пережитых Анной испытаниях и произошедшем с ней духовном перевороте. В январе 1922 года она писала сестре из Белграда, обнажая их старые «болячки» (она и прежде осуждала Мережковских за буржуазную респектабельность): «Книжку твою „Антихрист“⁴¹ я читала еще

³⁵ Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. О. Т. Ермишина. М., 2014. С. 34 (глава «Мое участие в Русском студенческом христианском движении»); специально посвящена истории РСХД).

³⁶ Зернов В. Белградский «Ковчег» и его обитатели // За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). С. 93.

³⁷ *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by T. Pachmuss*. P. 519–520 (письмо от 23 сентября 1923 года); Страницы из прошлого. С. 267 (письмо от 28 октября 1922 года).

³⁸ Степанов Василий Александрович (1872/1873–1920) — двоюродный брат сестер Гиппиус, горный инженер, видный деятель кадетской партии, депутат III и затем IV Государственной Думы; в марте–июле 1917 года товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства; после ухода в отставку А. И. Коновалова, с 19 мая, управляющий министерством. Возглавлял военную комиссию ЦК партии кадетов; выступал за выход кадетов из Временного правительства, 8 июля подал в отставку (в знак протеста против решения о предоставлении Украине независимости); 3 октября был избран в Предпарламент; баллотировался во Всероссийское учредительное собрание от Псковской губернии. После прихода к власти большевиков активно участвовал в формировании в Петрограде офицерских отрядов, которые направлялись на Дон, занимался организацией системы финансирования Добровольческой армии; участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М. В. Алексеевым. Был одним из основателей Правого центра, членом Союза возрождения России, входил в состав правления Национального центра. В 1918–1919 годах член Особого совещания при генерале А. И. Деникине. В феврале 1920 года эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, затем переехал в Париж, где занимался организацией помощи войскам генерала П. Н. Врангеля. В мае 1920 года выехал в Крым для того, чтобы информировать генерала Врангеля о настроениях в политических кругах Франции. Скончался на пароходе, возвращаясь во Францию (см.: Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 593–594; автор статьи: М. Голостенев). См. также о нем: Серков А. И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 779–780.

³⁹ Тюрюки (обл.) — мешки, сумки.

⁴⁰ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection, 1901–1996: Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 1.

⁴¹ Имеется в виду коллективный сборник: Мережковский Д. С. [Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.]. Царство Антихриста. Мюнхен: Drei Masken Verlag,

в Константинополе и потряслась на Дмитриевы рассуждения о Французской революции. И про Толстого какой бред!⁴² А Философ<овские> путевые заметки⁴³ позорное ничтожество. Я ему говорила, но он сказал, что это ты без его ведома напечатала. Брезгливые рассуждения барина из международного вагона о тяжести и духоте нормального во время революции вагонного путешествия. Кому это интересно и важно? Если ты не понимаешь, что это унижительно только для того, кто это пишет, то ты действительно ничего не пережила и ни на йоту не переменялась. И это очень страшно. Гораздо более нормально и менее удивительно перемениться в корне, когда вся ерунда спадает как шлуха и остается одно главное. Потому мы и не понимаем с тобой друг друга».⁴⁴

В Константинополе Анна поступила на Высшие Богословские курсы, устроенные Высшим Русским Церковным управлением за границей под руководством митрополита Антония. На курсах преподавали митрополит Анастасий, епископ Вениамин и другие видные деятели русской церкви.

В ноябре (11/24) 1921 года Анна писала А. В. Карташеву:⁴⁵ «Курсами я в общем довольна. Вместо Вениамина очень славный наш ректор о. Григорий Ломако.⁴⁶ Вы его наверное знаете. Мне он очень нравится и как человек, и читает недурно. К нему перешли предметы Вениамина: пастырское богословие, аскетика св. Отцов, свящ. Писание (Ветх<ий> и Нов<ый> Завет). Писала ему сочинение, заданное еще Вениамином, „Церковная жизнь первых христиан по Деяниям“».⁴⁷

1921; в 1922 году книга вышла вторым изданием. Сборник составили статьи, посвященные большевистскому перевороту и прогнозам о судьбе России: «Наш побег» (Д. В. Философов); «Крест и пентаграмма», «Л. Толстой и большевизм», «Записная книжка» (Д. С. Мережковский); «Тайна большевиков» (В. А. Злобин); здесь же были опубликованы заключительные части «Петербургского дневника» З. Н. Гиппиус (июнь 1919 — январь 1920) с предисловием «История моего дневника»: «Черная книжка» (впервые: Русская мысль (София). 1921. Кн. 1–2. С. 139–190; Кн. 3–4. С. 50–73; Последние известия (Ревель). 1921. 7 апр. № 78. С. 2–3); «Серый блокнот» (впервые: Русская мысль. 1921. № 3–4. С. 74–99).

⁴² В статье «Крест и пентаграмма» Мережковский утверждает религиозный смысл Французской революции («...в исходной точке Великой Революции Французской, был „трижды светящий свет“ Креста — Свобода, Равенство, Братство, — Пресвятая Троица в человечестве. В этом смысле прав Гегель, утверждая, что Французская революция есть „величайшее откровение христианства после Христа“) и безрелигиозный смысл русской (большевистской) революции («...наступила ночь Террора, бескредитного ужаса, длящаяся вплоть до наших дней, и вззошла звезда кроваво-красная: свобода — насилие, равенство — рабство, братство — братоубийство; революция — реакция, какой еще мир не видал: от вселенской церкви — к вавилонской башне, от Третьего царства Духа — к Интернационалу Третьему. Имя этой реакции — русский большевизм») (Мережковский Д. С. Царство Антихриста. Статьи периода эмиграции / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. СПб., 2002. С. 198–199). В статье «Л. Толстой и большевизм» Мережковский ставит схоластический вопрос: с кем Толстой — с «белыми» или «красными» (Там же. С. 145–153).

⁴³ Речь идет о статье Д. В. Философова «Наш побег».

⁴⁴ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 9 (письмо от 9 января 1922 года).

⁴⁵ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии, приват-доцент кафедры истории Русской церкви (1899–1905), церковный публицист, профессор и заведующий кафедрой истории религии и церкви на Бестужевских курсах (1906–1918); многие годы провел под одной крышей с Т. Н. и Н. Н. Гиппиус как ближайший друг семьи (член младшего «троебратства» неохристианской общины Мережковских); в 1912–1917 годах председатель Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде); в первых составах Временного правительства товарищ обер-прокурора Синода, в июле 1917 года назначен обер-прокурором, в августе — главой Министерства исповеданий Временного правительства; участвовал в подготовке Поместного Собора РПЦ (1917). Летом 1918 года работал в подпольной политической организации в Москве; в январе 1919-го бежал в Финляндию; участвовал в Белом движении. С 1920 года во Франции, в 1924–1940 годах председатель Русского национального комитета (РНК), в 1926–1931 годах редактор журнала «Борьба за Россию» (орган РНК); один из организаторов РСХД; один из основателей и профессор Православного Свято-Сергиевского богословского института в Париже (1925–1960).

⁴⁶ Ломако Григорий Петрович (1881–1959, Париж) — протопресвитер Православной Церкви, благочинный приходов юга Франции, член Епархиального совета Русского Экзархата Константинопольской Патриархии, декан Свято-Тихоновской духовной семинарии в США.

⁴⁷ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

В этом же письме она делится впечатлениями о профессорах и лекциях (например: «Ильин психология, философия и основы социальных учений — бездарно. Нагораживает миллионы ненужных заковыристых слов и не хочется засорять себе мозгов, добираться до смысла, что ему нужно выразить. Вениамин всегда сидел возле него в религиозном кружке и переводил его мысли „своими словами“»⁴⁸); сообщает, что параллельно посещает католическо-иезуитские курсы Станислава Тышкевича,⁴⁹ знакомится с жизнью католических орденов: «Ходили мы с ним в больницы и приюты католические (там и русских приняли нес<колько> человек. Сильное впечатление оставил приют для стариков конгрегации „Petites Soeurs des pauvres“.⁵⁰ Какие они милые, сияющие, действительно овеянные Благодатью Христовой. Если б этих сестричек не видела собственными глазами, книжка, которую мне дал Тышкевич, показала бы мне тенденциозно-сентиментальной, а теперь все приобретает другой смысл. И только подумать — 40 миллионов людей работают в орденах, которых число доходит до 26 тысяч. А мы что!? И одного ордена не имеем. Мне страшно хочется работать в орденах, но только не в качестве „добровольцы“, а „regulares“, т. е. быть по-настоящему действительным и активным членом. Конечно, Тышкевич преувеличивает хорошие стороны католичества, но у нас наоборот, преувеличивают дурные. Истина где-нибудь посередине. А затем это чуранье от католиков, боязнь их силы, это что же — расписка в своей собственной несостоятельности? „Как, вы ходите к католикам?“ — удивлялся Ломако, когда я ему рассказала, — „да ведь они еретики! Он <Тышкевич. — М. П.> же вас совратит!“ Но я ему возразила, что все-таки лучшего о себе мнения, чем он. А Анастасий наоборот очень интересуется моим впечатлением о католиках. А к своим курсам отнесся очень недоброжелательно (какие же это пастырские курсы!), и они совершенно бы погибли, если б не Ломако».⁵¹

Помимо богословских курсов, А. Н. Гиппиус участвует в собраниях молодежного религиозно-философского кружка, членами которого были ее племянники Николай, Дмитрий и Ирина. Судя по всему, именно в Константинополе зародился будущий «Ковчег» — белградский религиозно-философский кружок (1921–1925), из которого вышли организаторы и руководители экуменического движения — РСХД, прежде всего, Н. М. Зернов и его сестры.⁵²

На публичном собрании, устроенном Константинопольским кружком 14 сентября 1921 года, Анна читала доклад «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь», который был подготовлен ею под руководством епископа Вениамина. Злободневная тема вызвала бурную реакцию оппонентов.

⁴⁸ Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) — философ, богослов, литературный и музыкальный критик. В эмиграции с 1919 года: в Константинополе, Белграде (с 1922-го), преподавал логику и психологию в различных учебных заведениях; с 1925 года в Берлине на теологическом факультете.

⁴⁹ Тышкевич Станислав Михайлович (польск. Stanislas Tyszkiewicz; 1887–1962) — граф, католический священник (рукоположен в 1915 году), иезуит, автор многочисленных книг и статей на русском языке, участник Русского апостолата в зарубежье. В 1919 году сопровождал ватиканскую миссию, которая направлялась в Грузию, но из-за политических катаклизмов была вынуждена остаться в Константинополе, где участвовал в организации Миссии среди русских беженцев, в работе школы-интерната св. Георгия для русских мальчиков-эмигрантов. С 1923 года во Франции (в Париже издавал русское католическое обозрение «Вера и Родина» и др.); с 1937 года в Риме, преподавал в Папском Григорианском университете, в 1937 году перешел из латинского в славяно-византийский обряд.

⁵⁰ «Маленькие сестры бедных» (*фр.*).

⁵¹ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

⁵² Зернов Николай Михайлович (1898–1980) — богослов, философ, исследователь православной культуры, общественный деятель русской эмиграции, лидер РСХД. С 1920 года в эмиграции в Константинополе, Белграде (1921–1924), Париже (с 1925-го), Лондоне (с 1934-го). Читал лекции по сравнительному богословию в Свято-Сергиевском богословском институте; был секретарем РСХД и первым редактором «Вестника РСХД» (совместно с И. А. Лаговским, 1925–1929). В Движении участвовали также его сестры София (1899–1972) и Мария (1902–1965) и жена Милица Владимировна Зернова (урожд. Лаврова; 1899–1894). См.: За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (по указ.).

О своем выступлении она писала Карташеву: «Соня <С. А. Клепинина. — М. П.> неодобрительно отнеслась к моему докладу — „Зачем ты душу свою выворотила, о своем предательстве рассказала беспощадно. Я бы не могла этого сделать“. Так уж время значит такое подошло, чтоб публично выворотиться, покаяться. А оппоненты мои были таковы, что Вениамин мне все время шептал: „Не обращайтесь внимания. Ну что они ломаются в открытые двери“ и т. д. Ничего, это я для себя сделала. Было тяжело, а теперь прошло».⁵³

Текст доклада заслуживает внимания не только как факт биографии А. Н. Гиппиус, который, несомненно, можно отнести к наиболее значительным событиям ее константинопольского периода, но и как выразительный документ времени. В письме к Карташеву она поясняет основную идею доклада: «Здесь я описываю весь путь, кот<орый> я проделала от пораженчества к Церкви через обострившееся национальное самолюбие. Когда немцы вступили в Киев среди торжества малиновых поляков и желто-голубых украинцев — мы кинулись по магазинам в поисках несчастной 3-цветной ленточки. И вот совершенно непостижимо, но тем не менее вполне реально Россия уплыла из-под наших ног. Мы очутились в чуждой и враждебной украинско-польской стране, где радостно приветствовались „друзья“ — немцы. Что же случилось? Почему такая жуткая боль в сердце, откуда она. Ведь вот же сбылась пораженческая мечта. Вот она заграница пришла к нам, почему же не радуемся мы, и даже те, кто был доволен приходом немцев, как концу обстрелов и грабежей, формулировали свое состояние так: „шкура радуется, а душа болит“. А боль эта значила очень многое. Значила она, что не совсем еще умерла кровная связь с Россией, кровная связь с матерью. И как кидается человек за мать, когда она уходит от него, так и мы кинулись за Россией. Инстинктивно потянуло на тот территориально ничтожный клочок русской земли, кот<орый> еще уцелел в виде оазиса среди озлобленных и чуждых народностей — в Церковь».⁵⁴

Своему автобиографическому опусу Анна придавала катарсическое значение, и потому, видимо в надежде на сопереживание и отклик, послала его Мережковским. Ответ неизвестен, но, судя по реакции на него Анны в следующем письме, они не поддержали ее призыв к покаянию. Подобная реакция была вполне ожидаемой, так как Мережковские с самого начала войны открыто заявляли о своей «пораженческой» позиции.⁵⁵ 25 января 1922 года Анна писала сестре: «В общем, мы говорим об одном и том же, раз „счастье наше, что есть среди бушующего океана крепкая доска Церковь..... и что связь с Россией только в связи с Церковью“.⁵⁶ <...> А о покаянии, само собой разумеется, что у каждого покаяние свое. Только каялась я совсем не в том, что войны не хотела (а что, дескать, нужно было хотеть), а в том, что хотела уничтожить Россию как Россию, хотела, чтоб была „заграничка“, хотела, чтобы старенькая мамочка стала не мамочка, а была бы молодая расфуфыренная дрянь. Разве это не ясно. А пораженчество это только выражение всего этого. А сущность вот такая. А тебе хоть бы и до твоего покаяния очень далеко. Ужасно в тебе гордыни много, всех критикуешь, а вот ты все знала, все предвидела, все понимала всегда. Так ли это? Что-то уж очень неблагоприятно с внутренним равновесием».⁵⁷

⁵³ Amherst. Series 5. Box 8. Folder 4.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ 26 октября 1914 года на заседании петроградского Религиозно-философского общества Д. С. Мережковский сделал доклад «О религиозной лжи национализма» (см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: В 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 9–29; опубли.: Голос жизни. 1914. № 4. С. 22–24); З. Н. Гиппиус на заседании 9 ноября 1914 года прочитала антивоенный доклад «История в христианстве» (см.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Т. 3. С. 33–45; впервые опубли. под заглавием «Великий путь»: Голос жизни. 1914. № 7. С. 13–17). С декабрьского номера (№ 11) за 1914 год «Голос жизни» стал выходить при ближайшем участии Д. В. Философова и Мережковских. Подробнее см.: Козьменко М. В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 476–487.

⁵⁶ Возможно, цитата из недошедшего до нас письма З. Н. Гиппиус к А. Н. Гиппиус.

⁵⁷ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

Осенью 1921 года А. Н. Гиппиус, Клепинины и Степановы получили сербские визы⁵⁸ и покинули Константинополь (Александр Степанов тогда же уехал в США), на Босфоре они оставили дорогую могилу. В. А. Степанов был погребен на константинопольском греческом кладбище. В письме от 21 октября 1923 года Анна рассказывала Мережковским: «С Васиной могилой тоже большой кошмар. У греков правило давать покойнику лежать только 3 года. А после перекадывают кости в сундучок и хранят в общем склепе, как бы в складе для хранения вещей. Родственники, приходящие служить панихиду, берут ящики, несут в Церковь, служат, а потом обратно кладут. У кого же родных нет, кости кладут кучками прямо под открытым небом. Я сама сколько раз видела. Андрей <Клепинин. — М. П.> дал Васины деньги, чтоб оставить могилу еще на 3 года, но они отказались взять. А после в Рус<ском> общ<естве> и вовсе украли эти деньги. Это бы еще ничего было в сундучок положить — можно, так и перевезти легче, но дело в том, что в западных гробах тления никакого нет, а только все превращается в жидкость. И что будет теперь, не знаю».⁵⁹

В начале 1920-х годов Югославия стала центром православной жизни, здесь сосредоточилось большое число русских беженцев, в феврале 1921 года в Сремские Карловцы переехало из Константинополя Временное Высшее Церковное управление.

В Белграде Анна обосновалась на Сеньяке⁶⁰ вместе с Клепиниными и Зерновыми (Николаем, Владимиром, Марией и Софией), поступившими в Белградский университет.⁶¹ В. Зернов вспоминал: «Первый год нашей жизни в Сербии был труден. <...> Нам удалось найти домик на окраине города, состоявший из четырех маленьких комнат. Их единственный комфорт были дымящие железные печки. Наружная дверь выходила прямо на двор, так же как и окна, плохо закрывалась. Во время снегопада или сильного дождя вода заливала комнаты. У нас не было ни проведенной воды, ни газа, ни электричества.

Кроме четверых, с нами поселились Николай Андреевич Клепинин с женою,⁶² его двоюродная сестра Ирина Васильевна Степанова, Игорь Иванович Троянов и Мария Константиновна Львова.⁶³ Мы звали наш домик „Ковчегом“ из-за многочисленных знакомых, часто просивших у нас временного пристанища. У нас постоянно кто-то ночевал, кто-то делил нашу трапезу. Предоставить мы могли лишь матрас на полу и чай с хлебом и фасолью на ужин»; «Анна Николаевна Гиппиус <...> сочинила шуточную поэму, описывающую жизнь Ковчеха и характеристики его обитателей. Начиналась она следующими словами:

В Белграде на Сеньяке сырая есть халупа.
Живет бедно, но дружно в ней молодежи группа.
Здесь, как в ковчеге, тесно и, как в ковчеге, парно,
И даже, как в ковчеге, все делятся по-парно.

⁵⁸ В письме к З. Н. Гиппиус от 21 октября 1923 года А. Н. Гиппиус сообщила: «Из Конст<антинополя> я приехала по Голландскому паспорту, какие паспорта выдавали беженцам одно время» (Ibid. Folder 11).

⁵⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11.

⁶⁰ Сеньяк (Senjak) — один из трех муниципальных районов в центре Белграда, в котором аристократические виллы, особняки и дипломатические резиденции, расположенные на вершине и склонах холма, соседствовали с ветхими неблагоустроенными постройками для рабочих у подножия.

⁶¹ Николай и Мария поступили учиться на богословский, София на философский, Владимир на медицинский факультеты Белградского университета.

⁶² Антонина (Нина) Николаевна Клепинина (урожд. Насонова; 1894–1941).

⁶³ Игорь Иванович Троянов (1900–1970) учился на богословском факультете Белградского университета, с 1924 года — чтец Свято-Троицкой церкви в Белграде; после войны жил в Швейцарии, в 1945 году рукоположен в священники, настоятель Русской церкви в Вевей и Лозанне. Львова Мария Константиновна — жена Петра Сергеевича Лопухина (1885–1962; в 1926 году Лопухин окончил богословский факультет Белградского университета; в 1931–1944 годах помощник заведующего канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ, с 1945 года жил во Франции (председатель общества «Православное дело»)).

Кончалась поэма так:

Когда Ковчег сеньякский в Россию доплывет,
Своих друзей белградских он нежно вспомянет».⁶⁴

Между тем бытовые условия в «Ковчеге» были, действительно, удручающими, 17 февраля 1922 года Анна писала Мережковским: «Пришла Соня <С. А. Клепинина. — М. П.> и влезла в окно. Хозяева завалились рано и через них ходить нельзя. Клозет во дворе, и тоже через окно лезем. Вот он сербский комфорт».⁶⁵

А. Н. Гиппиус была как минимум вдвое старше своих племянников и их товарищей — обитателей «Ковчеха», объединившихся в братство св. Серафима, однако это не мешало ей увлеченно заниматься волновавшими их вопросами аскетике и молитвы, историей церкви и православной культурой в целом. Руководил кружком В. В. Зеньковский,⁶⁶ преподававший на богословском факультете Белградского университета.

«Если мне память не изменяет, — вспоминал Зеньковский, — там было без меня 6–8 человек (иногда, впрочем, было и до 20): трое Зерновых (Коля, Соня, Маня), Афанасьев,⁶⁷ Терещенко,⁶⁸ Расторгуев,⁶⁹ Гога Троянов, Клепинин Дима и его брат Дода (иногда и его жена Наташа),⁷⁰ Анна Николаевна Гиппиус, Ирина Васильевна Степанова (Окунева), Ася Оболенская,⁷¹ Ольга Веригина⁷² и другие. Верных, постоянных членов в кружке было всего 7–8. Это была весна кружка, самая ранняя и самая важная по существу его стадия. Прежде всего все они были *православные*, строго и вдохновенно церковные, и у всех было одно и то же стремление — исходить во всем — и в жизни и в мысли — от Церкви. Едва ли формула „оцерковление жизни“ была в ходу в этот период, но по существу именно она была руководящей. Говорили мы решительно на все темы и всегда сходились на том, что в свете Православия, в свете Церкви все вопросы получают свое верное и исключительно глубокое решение».⁷³

Неудивительно, что переписка А. Н. с З. Н. Гиппиус начинается с вопроса об отношении к Православной Церкви. 9 января 1922 года Анна писала сестре: «Я по край-

⁶⁴ Зернов В. Белградский «Ковчег» и его обитатели. С. 93–94.

⁶⁵ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

⁶⁶ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — философ, богослов, педагог; с 1920 года в эмиграции; в 1927–1962 годах — профессор Свято-Сергиевского богословского института в Париже. См.: *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 38–44 (глава «Мое участие в Русском студенческом христианском движении»).

⁶⁷ Афанасьев Николай Николаевич (1893–1966) — богослов, историк Церкви; с 1920 года в эмиграции; в 1925 году окончил богословский факультет Белградского университета; с 1930 года жил во Франции, доцент Свято-Троицкого православного богословского института в Париже; в 1940 году рукоположен в священники. Автор книг «Трапеза Господня» (1953), «Значение мирян в жизни Церкви» (1955), «Церковь Духа Святого» (1971). Друг Н. М. Зернова, см. о нем: За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд (Хроника семьи Зерновых). С. 26.

⁶⁸ Терещенко Николай Михайлович (1895–1954) — ближайший товарищ Н. М. Зернова, см.: «...он был весь какой-то круглый, теплый, любил Владимира Соловьева и Розанова, увлекался мистикой и вопросами пола. В нем было мало церковности, но он обладал глубокой религиозной интуицией и был хорошим психолог. Его исследования эротике ранней юности были настолько оригинальны, что он получил приглашение работать в этой области в Оксфорде» (Там же. С. 25).

⁶⁹ Расторгуев Иосиф Петрович — религиозно-общественный деятель, в эмиграции в Югославии, затем в Англии (см.: *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 385; сведения О. Т. Ермишина).

⁷⁰ Дода — домашнее имя Н. А. Клепинина; имеется в виду его жена Нина Николаевна.

⁷¹ Оболенская Александра Владимировна, княжна (в монашестве Бландина; 1897–1974) — церковно-общественный деятель. С 1920 года в эмиграции в Югославии, затем во Франции, член РСХД; с 1936 года монахиня общины Музен-ле-Гран, одна из основательниц Покровского монастыря в Бюсси-ан-От (Там же. С. 386; сведения О. Т. Ермишина).

⁷² Веригина-Можайская Ольга Михайловна (1903–1997) — церковно-общественный деятель. С 1920 года в эмиграции в Югославии, с 1924 года во Франции, активистка РСХД (Там же; сведения О. Т. Ермишина).

⁷³ *Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания*. С. 40.

ней мере совершенно не понимаю, в какой Церкви ты была все это время? Что это за Церковь и где она теперь существует. И где существовала? Какая-то отвлеченная Вселенская Церковь с признанием догматов, но без признания культа и иерархии. И, значит, с отметанием всей церковной истории и эволюции? Напиши мне, пожалуйста, яснее. Я абсолютно ничего не понимаю. Я всегда считала вас *вне* православной Церкви реально-существующей, да и я принадлежала до последнего времени к ней совершенно формально. Я помню, какие горячие споры были у вас с Антоном из-за патриарха.⁷⁴ А уж если хочешь, то патриарх есть первая ступень к вселенскости, первая ступень той лестницы, по которой очень далеко подвинулось католичество в папстве. Или по-твоему Синод должен быть вселенским или может быть совдеп из священников? Или совдеп из мирян должен управляться Церковью? Для меня это все вопросы и вопросы. То есть как надо, это я знаю, а как ты думаешь, не знаю».⁷⁵

Вопрошания о церкви Анна продолжает в следующих письмах. 24 января 1922 года: «Теперь о твоих вопросах. Прежде всего ты задаешь мне вопросы, а сама на мой очень важный — в какой ты Церкви всегда была — не отвечаешь. Церковь есть конечно учреждение в формах времени, национальности и истории, что составляет ее изменяемую часть, содержащее вечное неизменяемое — Божественную Благодать. Благодать в чистом виде, без сосуда, можно, конечно, воображать, но это будет не Церковь. А наша православная Церковь, она, кроме совокупности Благодати в разные времена (и в явлениях и в людях) имеет совокупность многих внешних явлений, которые составляют неразрывно с нею связанную ее историю. Мы живем во времени и пространстве, и Церковь нами должна тоже сознаваться таковой. Иначе будет просто метафизика, христианская идея без воплощения <...> нельзя игнорировать православие, хотя бы теперь, когда из него столько людей черпают как из источника воды живой, нельзя игнорировать Тихона,⁷⁶ когда он стал краеугольным камнем. Антония никто не защищает, и в Карловцах все духовенство было против. Но что он очень умный и прозорливый человек, хотя и несимпатичный, этого от него отнять нельзя».⁷⁷

25 января 1922 года: «Теперь мне хочется сказать то впечатление, какое на меня всегда производили вы с Дмитрием. У вас была „сфера“, которая была только ваша, и в которую втягивались все, кто был для вас приемлем. Немножко ершиться, как Дима <Д. В. Философов. — М. П.>, это позволялось. Глаза ваши были обращены на Бога, Ему пелись ваши песни, курился ваш фимиам... И вот случился катастрофический хаос, все перевернулось и все ушли из пассивно-метафизически-эстетической

⁷⁴ Деятельность А. В. Карташева в период его министерства была направлена на подготовку Поместного Собора русской православной церкви (1917) и восстановление патриаршества. Позиция Мережковского по этому вопросу была сформулирована еще в годы Первой русской революции, в статье «Теперь или никогда. О церковном соборе» (1906), в которой он писал, что Петр Великий, отменив патриаршество, «сам того не сознавая и не желая, спас русскую церковь от величайшей опасности, которая ей угрожала со стороны ложно понятой религиозной культуры латинского Запада, от повторения в России <...> идей *цезаропапизма*, то есть непотребного антихристового смешения кесарева с Божьим, человекобожеского с богочеловеческим» (*Мережковский Д. С.* Теперь или никогда. О церковном соборе. СПб.: Свободная совесть, 1906. С. 9–10).

⁷⁵ Amherst. Box 2. Folder 10.

⁷⁶ Тихон (Василий Иванович Беллавин; 1865–1925) — с 21 ноября (4 декабря) 1917 года патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества; в 1981 году канонизирован в лике исповедников со включением в Собор новомучеников Архиерейским Собором РПЦЗ, в 1989 году прославлен Архиерейским Собором РПЦ. Возвращением 19 января 1918 года и в «Обращении к Совету Народных Комиссаров» от 13/26 октября патриарх анафемствовал власть большевиков. В марте 1922 года был заключен под домашний арест и привлечен к суду как причастный к контрреволюционному заговору. В красной печати началась травля патриарха, Обновленческий собор (1923) принял решение о лишении его сана. В апреле 1923 года патриарх Тихон был заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ, где подвергался допросам. Освобожден после заявления, в котором свидетельствовал раскаяние в «поступках против государственного строя» и просил изменить меру пресечения. События освещались в зарубежной печати. Подробнее см.: *Вострышев М. И.* Патриарх Тихон. 3-е изд. М., 2004.

⁷⁷ Amherst. Box 2. Folder 10. Речь идет о церковном расколе, произошедшем на Соборе в Сремских Карловцах (1921).

религиозности в жизнь, в <спорт?>, может не в действие, а в судороги действий, но ушли. Ты ничего не понимаешь и стоишь, грустно и удивленно смотря на это, и говоришь: „Ведь Бог же остался на месте, где же они все? Надо же иметь очи отверсты и уши, чтоб слышать!“ Раз такой факт, значит же не то что-то было, ну не вполне то. А ты не хочешь этого признать, нет у тебя сил взглянуть со стороны, и ты объясняешь по-своему. У меня все благополучно, а вот они все взбесились, все с ума сошли. Да пойми же ты, наконец, что пора и тебе выйти из „своего“ (не от Христа, не от Бога, а от твоего Христа субъективного) и пойти к тем, кто ушел от тебя. Смирись, и войди в Церковь, как вошел социалист Наживин и какие замечательные строки написал о Церкви в своих „Записках о революции“.⁷⁸ Говорю и чувствую свое полное бессилие! Ничего тебя не проймет, слаб мой голос, и глухи твои уши. Говорю и кричу из последних сил, потому что не могу этого не делать, но знаю, что все тщетно. Почему Дима все понимает, а ты можешь, но не хочешь спуститься со своего Трона и признать свои заблуждения. Ты не можешь заблуждаться. Правда? Да, конечно, смирение не мантия, в которую можно красиво задрапироваться, а живая ободранная душа, и как больно иногда бывает».⁷⁹

Споры сестер о сути христианской веры и православной церкви продолжались не один год, свое отношение к позиции Анны старшая Гиппиус кратко определила в письме к Е. М. Лопатиной:⁸⁰ «Она не столько христианка, сколько клерикалка».⁸¹

Одна из постоянных тем корреспонденций — поиски работы при церкви или монастыре. В Белграде медицинская практика для врачей-эмигрантов была связана с административными ограничениями и препятствиями. Мережковские по мере сил поддерживали Анну денежными переводами, но этого не хватало. 17 февраля 1922 года она писала им: «Вот такое у меня в душе и мне хочется только одного — работать в ордене. Каргашев заваривал какой-то православный орден, но ничего мне не пишет, когда я спрашиваю. Но я хочу не любительницей быть, а настоящим членом («regulares», как в католических — отречение от собственности и своей воли). У меня даже иногда является мысль поступить в католический госпитальный орден и работать там по своей специальности для Бога. Хочу написать своему иезуиту Тышкевичу. Может и ты что-нибудь узнаешь, тогда напиши, пожалуйста. Можно ли поступить на испытание (а там ведь всех испытывают), не принимая католичества. Может это в будущем и для православия пригодится».⁸²

К этому времени Анне удалось найти место окружного лекаря в деревне Хайдучица, в том же письме (17 февраля 1922 года) она сообщала сестре: «Географически это так — из Белграда по Дунаю до Панчева. Из Панчева по железной дороге до бывшей Венгрии на город Вршац, и оттуда станция Хайдучица. <...> Живут наполовину немцы, наполовину словенцы. Почти все говорят по-немецки. И я кувыркаюсь по-немец-

⁷⁸ Речь идет о книге Ивана Федоровича Наживина (1874–1940) «Записки о революции» (Вена: Русь, 1921), в главе IX автор пишет о возвращении в Церковь интеллигенции, о красоте православной службы, силе молитвы, о живущей в народе жажде чуда, о многотысячных крестных ходах, «которые поднимаются в это тяжелое время по градам и весям российским» (*Наживин И. Ф. Записки о революции*. Вена: Русь, 1921. С. 113).

⁷⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

⁸⁰ Лопатина Екатерина Михайловна (псевд. К. Ельцова; 1865–1935) — сестра философа Л. М. Лопатина, писательница, с 1917 года в эмиграции; приятельница и адресат З. Н. Гиппиус и И. А. Бунина, см.: *Пахмусс Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 268–305; 1981. № 133. С. 257–292; *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Гиппиус З. Н. Неизвестная проза: В 3 т. / Сост., вступ. статья, комм. А. Н. Николюкина. М., 2003. Т. 3. С. 503–507; впервые: *Современные записки* (Париж). 1935. № 59 (ноябрь). С. 459–462. См. также: *Двинятина Т. М.* И. А. Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 27–43.

⁸¹ *Пахмусс Т.* Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1981. № 133. С. 288 (письмо к Е. М. Лопатиной от 29 августа 1935 года).

⁸² Amherst. Series 1. Box 2. Folder 10.

ки. Иногда выходит, а иногда ни черта. Понимаю очень плохо, не привыкли уши. В Константинополе только французский был в ходу, а немцам даже и жить там не позволяют. Церковь — лютеранская кирха с органом, голыми стенами и орущим на скамьях народом! Какая безблагодатная пустыня это лютеранство, и как знаменательно, что оно носит имя не Христа, а Лютера».⁸³

В деревне Анна провела около двух лет. Все это время она не чувствовала себя отлученной от «Ковчег» («Чаще других мне пишет Зеньковский. Мы с ним познакомились по поводу того, что Соня переписала мое „Об орденах“, которое я тебе посылаю, и дала ему прочитать»)⁸⁴

Письма из Хайдучицы 1922–1924 годов полны колоритных рассказов об эмигрантских буднях. Помимо тяжелых бытовых условий и непосильной фельдшерской нагрузки, многие месяцы не выплачивали зарплату, в результате Анна заболела и была вынуждена вернуться в Белград.

В письме от 28 июля 1923 года она живописала: «В Бел<граде> со мной случился очень неприятный инцидент, о кот<ором> прямо даже противно рассказывать. После болезни пошла в баню без паспорта. На улице подошел жандарм и как беспаспортную повел в участок. Там записали все, что я сказала про себя, и повели в другой участок. Здесь жандарм меня толчками загнал в камеру с проститутками и еще по лицу ударил. На все мои просьбы телефонировать в посольство или передать мое письмо только издевался. Не знаю, через сколько времени дверь отворилась и проститутки пошли гулять. Меня одна научила пойти в канцелярию. Оттуда меня повели куда-то наверх и наконец отправили к чиновнику по русским делам (ужасная дрянь). После долгих фырканий дал мне сыщика, и я с ним пошла домой за документами и опять в Управу, и еще на другой день... На руке громадный синяк... Жаловаться, но разве русские могут жаловаться?! Я пробовала несколько раз, но нам *не* верят. И кто свидетель? Проститутки?? В Сербии так, а где лучше?»⁸⁵

Мережковские хотели предать случившееся гласности, Анна ответила отказом: «Твое возмущение по поводу моего инцидента понятно, но непонятно желание огласить. Дима прав был, когда говорил, что вы с Дмит<рием> остались в „прежних“ масштабах. Если б я хотела дать делу законный ход (а я первое время хотела), т. е. жалобу подать по началству с приложением медицинского свидетельства (на руке был гигантский синяк), то, *кроме унижения* для меня самой, ровно бы ничего не вышло. Начали бы следствие. А где свидетели? Проститутки, которые одни это видели и хохотали? Да пока бы дело разбиралось, их бы там может и не стало бы больше. <...> Разве можем мы сербам жаловаться на сербов (они большие националисты и это к их чести). Ну а почему же не огласить? Где? Во Франции? Обращаются к общественному мнению, *когда его уважают*. А если общественное мнение может молчать, когда в России людоедство, реки крови, пытки патриарха...!⁸⁶ Масштабы другие, Зина, а ты хочешь идти от прежней печки. Молчать? Да молчать, но не от трусости, помни это, а только *от презрения и от гордости*. Если ты этого не поймешь, то поверь на слово. А понять тебе, конечно, трудно. Твоя жизнь уменьшилась в количественном, а не в качественном отношении, как наша. Ты живешь в хорошей теплой квартире, имеешь прислугу, едешь на дачу... Все как прежде, только денег сравнительно меньше. А у нас все перевернулось, раз в Конст<антинополе> Соня стояла за стойкой и наливала водку, а я разносила ее по столам... Раз я днем бегала по жидам продавала сукно, а ночью лепила пельмени для ресторана...»⁸⁷

В продолжение всего сербского периода А. Н. Гиппиус не оставляла надежды получить работу при Церкви, о чем неоднократно писала сестре: «В ордене хочу работать только *как врач*, и при том специалист. Думаю, что если вообще врачи-акушеры нужны, то *имеют же они право желать работать для Церкви* и в стенах Церкви. Если же

⁸³ Ibid.

⁸⁴ Ibid. Письмо от 8 декабря (25 ноября) 1922 года.

⁸⁵ Ibid. Folder 11.

⁸⁶ См. прим. 75.

⁸⁷ Ibid. Письмо от 22 июля 1923 года.

Церковь будет включать в себя одних монахов, постящихся и продающих свечи, и монахинь, вышивающих белье и бархатные туфли, то это не Единая Вселенская Апостольская Церковь».⁸⁸

23 сентября 1923 года старшая Гиппиус не без сарказма отвечала: «Сама я остаюсь при том мнении (и незыблемом), что ты никогда и ни при каком ордене или общине, ни католической, ни православной, акушеркой не устроишься, это противно всем данным реальным человеческим концепциям. Я даже не могу такого твоего желания никому высказать, ибо заранее вижу, как оно обречено на неуспех. Можно жалеть, по Розановски, что сестры общин не рожают детей (или в таких редких случаях, что при общинах не содержат специальную акушерку), можно надеяться, что это когда-нибудь изменится, но теперь это стоит иначе, и бесцельно желать получить несуществующее в природе вещей место».⁸⁹

Намереваясь работать в католическом ордене, Анна просила благословения у епископа Вениамина, в письме к Мережковским от 1 (14) сентября 1923 года она передала им его ответ: «Не благословляю! Если удастся православный (или нечто подобное), тогда идите с миром. А сейчас в католический — не ходить... „Передайте поклон Мережковским еще раз. Его слова, переданные через Вас (Церковь и мне мать), храню с любовью“. Самое интересное, что арх. Анастасий (в Константинополе) сказал совершенно обратное, именно: идите. И еще раньше, когда он приехал из Иерусалима,⁹⁰ говорил: „То, что Вы поступили на православные Богословские курсы, меня интересует гораздо меньше, чем то, что Вы на католических курсах“».⁹¹

Благодаря дружбе З. Н. Гиппиус с Е. М. Лопатиной⁹² Анне открылась возможность познакомиться с жизнью католического ордена в Камбре (Cambrai; город на севере Франции), где получили временный приют сестры бывшей московской (Николаевской) Общины, руководимой Лопатиной и ее ближайшей помощницей О. Л. Еремеевой.⁹³ В декабре 1923 года по их приглашению Анна впервые приехала в Камбре.⁹⁴ В письмах к Мережковским она рассказывала о своих впечатлениях, о католической службе, об отношении к укладу иезуитского ордена, который, судя по ее оценкам, не согласовывался с ее представлением об идеальной обители и идеальном братстве/сестринстве («Я сама чувствую, как я *неправославлена* у католиков <...> Самое для меня, пожалуй, было бы желаемое — это ехать в Россию к сестрам <Т. Н. и Н. Н. Гиппиус. — М. Л.> и там поступить в братство. Наверно, там уже давно они есть.⁹⁵ Но как это все исполнимо и для них как будет, совершенно не представляю»)⁹⁶

⁸⁸ Ibid. Письмо от 1 (14) сентября 1923 года. В Символе веры: Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь.

⁸⁹ Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. P. 519.

⁹⁰ См. прим. 29.

⁹¹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11.

⁹² См.: Пахмус Т. Из архива Зинаиды Николаевны Гиппиус. Письма к Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой // Вестник РХД. 1980. № 132. С. 276. О католичестве как «последнем этапе жизни» Лопатиной пишет Гиппиус (см.: Гиппиус З. Н. Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Гиппиус З. Н. Неизвестная проза. Т. 3. С. 506); см. также: Русское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина. М., 2010. Т. 2. С. 77.

⁹³ Об общине Лопатиной и Еремеевой см.: Гиппиус З. Н. Своими путями (О Е. М. Лопатиной). С. 503–507; Движанина Т. М. И. А. Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе). С. 27–29.

⁹⁴ Во второй раз А. Н. Гиппиус приезжала в Камбре в 1925 году; в 1928-м она вновь присоединилась к общине Е. М. Лопатиной и О. Л. Еремеевой, на сей раз в Шато де Клозон (Château de Clausonne), в местечке Биот (Biot), где в полуразрушенном замке они обустроили детский превенторий (санаторий) для больных детей (см.: Русский преванторий <так!> в Биоте // Возрождение (Париж). 1934. 8 июня. № 3292 (без подписи)). Как врач она могла быть полезной нуждавшимся в помощи детям, однако в Клозоне не осталась.

⁹⁵ О тайных православных братствах в России в 1920–1930-е годы и судьбах «братчиков» см. в книге: Ильюнина Л. А. Жертва Вечерняя. СПб., 2013. О поганной Православной России в Париже см.: Зернов Н. М. Россия в Париже // Зернов Н. М. Закатные годы. Эпилог хроники семьи Зерновых. Paris: YMCA-Press, 1981. С. 30–34.

⁹⁶ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 11. Письмо от 14 (27) декабря 1923 года.

Анна серьезно обдумывала свой дальнейший путь, о чем свидетельствует рукопись доклада «Католичество и Православие», работу над которым она начала в Хайдуцице (мобилизовав знания сравнительного богословия, полученные на константинопольских курсах) и закончила после поездки в орден (датировка автографа: июль 1924).⁹⁷ Текст был прочитан В. В. Зеньковским и, возможно, предназначался для обсуждения в Белградском религиозно-философском кружке.

В 1924 году при помощи З. Н. Гиппиус, обратившейся за содействием к Е. Ю. (Эжену) Пети,⁹⁸ А. Н. Гиппиус и ее племянники (Николай, Дмитрий и Ирина) получили французские визы. В том же году в Париж переехали Зерновы (М. Н. Зернов был назначен секретарем РСХД), Зеньковский получил кафедру в Праге. Приблизительно за год до этих событий в письме от 12 (25) ноября 1923 года Анна с грустью сообщила Мережковским: «Теперь часто переписываюсь с Зеньковским, но чувствую, что и он бессилён что-нибудь сделать. Особенно было неприятно получить последнее письмо, где он пишет, что должен переехать в Прагу (и бросить православный кружок молодежи, который он основал) из-за материального обеспечения. Чтобы посылать в Россию. Все это хорошо и понятно, но для Церковного творчества нужны другие люди. Чтоб, положивши руку на плуг, не обращившись и были бы достойны Его, большей любовью к Нему, чем отцу и матери...».⁹⁹

Во Франции А. Н. Гиппиус продолжала участвовать в студенческом христианском движении. В ее альбоме «Memorabilia» сохранились групповые фотографии участников съездов РСХД, на фотографии участников съезда, состоявшегося в 1927 году в Клермоне,¹⁰⁰ в центре — о. Сергей Булгаков и митрополит Евлогий (?), во втором ряду слева предположительно стоит А. Н. Гиппиус¹⁰¹. В том же году YMCA-Press выпустило ее брошюру «Святой Тихон Задонский: Епископ Воронежский и всея России чудотворец». По-видимому, для того же издательства был предназначен и очерк «Обитель Соловецкая» (1926), опубликованный посмертно. Однако в хрониках «Вестника РСХД» за 1925–1930 годы имя А. Н. Гиппиус не встречается.

Текст доклада А. Н. Гиппиус «Интеллигенция, национальное чувство и Церковь» публикуется по автографу: Amherst College, Amherst Center for Russian Culture (USA). Zinaida Gippius and Dmitri Merezhkovsky Papers. Series 5. Box 8. Folder 19. Орфография и пунктуация приведены к современной грамматической норме.

⁹⁷ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996: Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 2. Публикацию этого доклада см. в № 4 журнала «Русская литература».

⁹⁸ Эжен Пети, Eugène Petit (Евгений Юльевич; 1871–1938) — юрист, член французского Конституционного суда. Литературный салон Эжена и Софьи Григорьевны Пети (урожд. Балаховская; Sophie Petit-Balachowsky, 1870–1966) являлся одним из центров русской культурной жизни в Париже. См.: *Ливак Л.* Ранний период русской эмиграции. По материалам собрания Софии и Эжена Пети // *A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes / Ed. by L. Fleishman, H. McLean.* Stanford, 2006. С. 416–451 (Stanford Slavic Studies; vol. 32). См. письмо З. Н. Гиппиус к Е. Ю. Пети от 4 ноября 1923 года (Russian literature. 1995. Vol. 37. № 5. P. 82 (публ. R. Neginsky)).

⁹⁹ Amherst. Series 1. Box 2. Folder 12.

¹⁰⁰ Пятый съезд РСХД в Клермоне проходил после Карловацкого собора епископов (июнь–июль 1926 года), на котором Епископат подтвердил постановление Русского Всеаграничного Церковного Собора (Сремские Карловцы, 1921) в отношении YMCA и РСХД, признавшего Движение организацией масонской и антиправославной и потому запретившего членам Православной Церкви «организовываться в кружки под руководством этих и подобных им неправославных и нецерковных организаций и быть в сфере их влияния» (Вестник русского студенческого движения в Западной Европе. 1926. № 9. С. 11).

¹⁰¹ The University of Illinois Archives. Temira Pachmuss and Vladimir Zlobin Collection. 1901–1996. Anna Hippus Papers. № 15/20/21. Box 5. Folder 5 (Memorabilia).

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Н. Гиппиус

Интеллигенция, национальное чувство и Церковь
 (доклад, читанный 14 сент<ября> 1921 г<ода>
 в Конст<антинопольском> религиозно-философском кружке)

Прежде чем говорить по существу, я позволю себе пробежать в виде иллюстрации кое-что из личных переживаний в смысле зарождения национального и религиозно-церковного чувства. Сделаю я это не потому, что моя личность имела бы какой-нибудь индивидуальный интерес, а просто потому, что я несколько себя не отделяю, в данном случае, от всей пораженческой, безжизненной интеллигенции и скорбный и трудный путь сознания своего преступления по отношению к Родине проделала не я одна, а многие, очень многие. Все пережитое было бы, конечно, к лучшему, если бы только не оказалось слишком поздно.

Под национальным чувством я буду разумею любовь не только к своей Родине и народу, а и к своей культуре, к своим духовным ценностям и главным образом к своей религии, к своей Церкви.

Последнее время перед войной характеризуется полной атрофией этого естественного для всех национального самосознания. О причинах этого я пока не упоминаю. Западная Европа казалась нам идеалом культурной, а потому и счастливой жизни. Мы с болью отрывались от светлой заграничной жизни и с проклятиями возвращались в убогую, как нам тогда казалось, обстановку сумерек <так!> русской жизни. С величайшим цинизмом мы сплеча хулили все свое не только в разговорах друг с другом, но и в разговорах с людьми другой национальности, с евреями, поляками и теми украинцами, которые уже тогда были нашими врагами. Все они радостно вторили нам; а мы тоже радовались — вот, дескать, сколько у нас единомышленников! И количественная сила превращала все тезисы в непреложную истину. Так мы творили дело предательства России и совершенно этого не понимали. Я бы назвала нашу интеллигенцию безнациональной, а не интернациональной. То есть просто нам по существу ни до кого не было никакого дела и прежде всего до самих себя.

Церковь... мы ее, пожалуй, и не отрицали; просто она нам была абсолютно не нужна. Имела она значение, пожалуй, только как милое детское воспоминание и по временам давала, я не скажу религиозные, — это было бы слишком глубоко, а просто нежные, легко проходящие мистические настроения. В храм заходили большей частью на вечернее богослужение. На обратном пути часто заходили в кинематограф или в гости, и хрупкое настроение, конечно, испарялось без остатка. Постом Киевская интеллигенция валом валила в Софийский собор послушать знаменитое исполнение «Покаяния».¹ Но здесь даже настроения никакого не получалось. Просто приходили послушать даровый концерт, возбуждавший чувственные эмоции сходством с попури из «Пиковой Дамы» Чайковского, и шумно и весело расходились из Собора после окончания номера. Вот в такой обстановке духовной узости и скудости большинства русской интеллигенции разразилась небывалая по жестоким последствиям война. Мы и тут остались себе верными. С величайшим негодованием и отвращением мы приняли патристическую декларацию Государственной Думы.² Но войне по существу мы радовались, потому что все естественно сделались пораженцами. Слава Богу, думали мы, нарушается наконец покой нашей косности. Пускай завоюют немцы, будем жить по-настоящему, по-заграничному, по-культурному. Оглядываясь назад, до сих пор не перестаешь удивляться этой тупости, этой невероятной слепой безгосударственности и необъяснимому полному отсутствию исторических масштабов. Конечно, если бы у нас была в то время хоть капля национального чувства, мы бы и без всякой исторической эрудиции инстинктом бы поняли очень многое, угадали бы линию своего поведения.... но этой капли как раз не было. Конечно, и среди интеллигентов были люди, все понимавшие и истинно любящие Россию, но сколько было ненужной траты энергии, сколь-

ко злобы, взаимных оскорблений и ненависти в этих ежедневных спорах, после которых люди расходились злейшими врагами, не подав друг другу руки. Но таких были единицы, а имя нам было легион. Годы, проведенные на фронте, на передовых позициях, дали некоторый сдвиг в пораженческом мировоззрении. Не то что мы приняли войну как войну за честь России, с которой мы все еще не чувствовали ни малейшей кровной связи, приняли войну как неизбежное национальное дело, а просто немного сбились с толку перед фактами постоянной близости и суеверной неизбежности смерти. Это раз. Второе: благодаря близкому и постоянному общению с людьми военными, в силу своей профессии, примитивно, без рассуждений патриотичными, нам как-то невольно передалось увлечение точно будто спортом. А ну-ка кто победит. Не худо бы и нам победить. Но все это опять-таки без всякого отношения к России, без малейшего признака настоящей сознательного патриотизма. Убийство Распутина³ вызвало положительно всеобщее ликование на фронте. Пуришкевич, и раньше очень хорошо зарекомендовавший себя работой на войне,⁴ тут сразу искупил свои прежние черносотенные грехи в глазах даже левого общества. А события уже летели с головокружительной быстротой. Случайно во время знаменитой первой бескровной революции мне пришлось быть в Петербурге. Сколько положительного волнения, сколько сенсационных слухов! Не умолкая трещат телефоны, люди часто мало знакомые друг с другом бегают по квартирам. Шепотом передают новости, одно невероятнее другого. Когда совершилось, в конце концов ликовали все, и националисты, и пораженцы. На этом наконец сошлись. Первые проблески туманного сознания у меня лично появились на первом празднике пролетариата 1-го мая. Бесконечные процессии с красными шелковыми и бархатными знаменами, обшитыми золотыми позументами, вереницы автомобилей, наполненных галдящими матросами с ружьями. Что-то зловещее и нелепое чувствовалось в надписях, вроде, напр<имер>, таких: *крупно* «Война до победного конца» и *мелко* внизу «с буржуями». «Хай живе вильна Украина» и рядом «Да здравствует интернационал». Тут же затесалось знамя «Да здравствует язык эсперанто». Какой зловещий сумбур, какие грозные пророчества! Церковь для нас внутренне была мало нужна, я об этом уже упоминала, но резало глаз безмолвие и пустота Казанского Собора. Привычно было, что он оживал молитвой даже для атеистично-социалистических панихид по жертвам царского режима, как они тогда именовались. Я вошла туда инстинктивно, чтобы рассеять тяжелое впечатление всего торжества. «Но ведь это же хорошо, это революция, — убеждала я себя. — Нет, не хорошо», — отчетливо вдруг прояснилось в душе. По троттуару <так!> — мимо бежит мальчишка, продает медные медальки на красных ленточках. Кричит громко и глупо: «Да здравствует русская революция из не темнеющего металла!» Да революция, действительно, совсем не темнела, потому что разгоралась все больше и больше, уже алела пламенем кровавого пожара. А мы все еще не понимали всю меру ужаса приближающегося к России, потому что предчувствует любовь, а любви в нас не было, или, вернее была, но в дремлющем, латентном состоянии. И опасность Церкви мы тоже не понимали, потому что она и сама по себе, и по отношению к кровной связи с Россией еще продолжала быть нам чужой. Примитивно и ярко я почувствовала прилив национального уязвленного самолюбия, я намеренно не употребляю слово любовь, в тот момент, когда в Киеве на Фундуклеевской улице появились впервые победоносные каски входящих немцев. На троттуарах стояли ликующие украинцы с желто-голубыми ленточками и самодовольные дамы с малиновыми кокардами. Мы бежали по улице с какой-то незнакомой дамой и обе плакали. Целый день я металась по городу, ища, конечно, это смешно тем, кто этого не пережил, ища национальной трехцветной ленточки, презираемого символа черной сотни, полицейских и погромщиков из Союза Русского народа. Ленточки я так нигде и не нашла в тот день. И вот, совершенно непостижимо, но тем не менее вполне реально, Россия уплыла из-под наших ног. Мы очутились в чужой и враждебной украинско-польской стране, где радостно приветствовались друзья — немцы. Что же случилось, почему такая жгучая боль в сердце, откуда она? Ведь вот же сбывлась пораженческая мечта. Вот она за граница пришла к нам, почему же не радуемся мы, и даже те, кто был доволен приходом немцев как концу обстрелов и грабежей, формулировали свое

состояние так: шкура радуется, а душа болит. А боль эта значила очень многое. Значила она, что не совсем еще умерла кровная связь с Россией, кровная связь с матерью. И как кидается человек за матерью, когда она уходит от него, так и мы кинулись за Россией. Инстинктивно потянуло на тот территориально ничтожный клочок русской земли, который еще уцелел в виде оазиса среди озлобленных и чуждых народностей, и мы пришли в Церковь. Пришли уже не по-прежнему — между прочим, а сознательно, ибо без этого нам нечем было бы жить; пришли потому, что здесь была Россия. Еще пришли, чтоб укрыться от невыносимой атмосферы немецкого презрения и ненависти украинцев и поляков. С необыкновенно яркой отчетливостью воспринялся длинный, тысячелетний византийско-русский корень родной Православной, глубоко национальной Церкви. Сколько мне ни приходилось говорить с людьми, пришедшими в этот период к Церкви, — все пришли именно этим путем, путем катастрофы и совершенно неожиданно вспыхнувшего национального чувства. Так среди скорби обрелась радость.

Но не странно ли звучит — пришли в Церковь христианскую через национальность. Да какое же может иметь значение национальность перед идеей Вселенской Христовой Церкви. Христианская Церковь учит словами Апостола, что *нет* различия между Иудеями и Эллинами для рождения в Духе; Христос, открывающий об Отце, что Он одинаково повелевает солнцу восходить над всеми, сам действительно не делал никакого различия между национальностями по излиянию своей Божественной Благодати. Ясно, что здесь какое-то противоречие, какое-то недоразумение или в понятиях, или в самом факте. Выше я уже сказала, что Православная Церковь воспринялась нами по-новому как *национальная* Церковь; что же удивительного, что воскресшее национальное чувство привело к национальному, т. е. к Церкви? Допустим на один миг, что мы сделали достойными Отца и к нам на землю возвратился потерянный рай во всем легендарном блеске библейского предания. Может, это было бы совсем не на Ефрате, может, это было бы у нас на Кавказе у подножия Эльбруса, этого величественного белого Престола Божия. Конечно, одежда стала бы для нас лишней, ненужной. Мы были бы безгрешными и нагими, как первые люди. Так и национальность — одежда наша в то самое мгновение, как мы бы сподобились переступить за ограду Вселенской Церкви, спала бы с нас как ненужная чешуя. Будет ли эта Церковь здесь на земле и нужно ли это умаление бесконечного в конечном — знать нам не дано. Возможно даже, что здесь будет не умаление бесконечного, а непостижимое уму преобразование конечного в бесконечность. Итак, по нашей духовной немощи нам нужна одежда, нам нужно реальное воплощение Церкви в оболочке национальности. Но национальность должна быть вторична, служебна. Уклонение от этого в сторону национальной гипертрофии или, наоборот, полной атрофии национального чувства одинаково ведет к гибели. В Евангелии говорится нам о Тайнах Божиих, но наряду с этим Евангелист Лука в главе об искушении в пустыне открывает нам величайшую и ужасную для нас тайну дьявола — все царства вселенной и слава *их преданы ему, и он, кому хочет*, дает ее [для погибели]. Только до той поры, пока слава Царства Земного есть слава Божия, Царство существует. Но как только национальность начинает жить во имя свое, делается самодовлеющей, безрелигиозной, вырастает до уродливых размеров дьявольской Вавилонской башни, она должна неизбежно катастрофически рухнуть падением великим и страшным, как и башня. Так рухнул Рим, так погибла империя Александра Македонского, так низвергся в бездну Наполеон Первый. Так, по всей вероятности, погибнет и современная Запад<ная> Европа. С нами случилась другая беда. Вследствие атрофии национального чувства мы оторвались от своего родного национально-церковного корня и пришли к интернациональному, самодовлеющей безрелигиозной безнациональности и, точно так же как Государство, погибли. Из этих двух примеров ясно, что национальность не должна быть на первом плане, но тем не менее она нужна. Национальность должна иметь свой собственный луч к Богу, и все цветные лучи в многоцветных переливах радуги должны, как радиусы, стремиться в один Божественный фокус, где они по таинству Благодати сольются в Единый Присносущий Белый Свет!

Итак, вот звенья цепи: *преступление* равнодушия и предательства, *наказание* — потеря Родины как раз в тот самый миг, как узнал, что любишь ее, *сознание* своего падения, *возвращение* в Церковь через национальное чувство. И невольно хочется замкнуть круг последним, животрепещущим звеном: *надеждой* на воскресение России, на возвращение к ней ее блудных сынов. И тем не менее, я этого не делаю, пускай цепь будет открыта...

Воля Божия абсолютно несоизмерима с волей человеческой, как не может Бесконечное измеряться конечным. Уж на какой, кажется, высоте должна была быть человеческая воля Христа, соединенная таинственно с Его Божиим Ликом, и то разошлась, правда, на одно лишь мгновение, с волей Божественной: «Авва Отче, все возможно Тебе, мимо неси от меня чашу сия» — и сейчас же опять с ней соединяется: «но не еже Аз хочу, но еже Ты».⁵

Разве могла быть воля человеческая к тому, чтобы храм Премудрости Божией, сам как бы непостижимое воплощение этой Премудрости Божественной в слиянии с тысячелетней мудростью человеческой, перешел из рук православных в руки правоверных?⁶ От Бога Отца к Аллаху? Однако воля Божия такова. Разве могла быть воля человеческая ко Кресту? Можно ли было ожидать, что он будет необходим людям, что Голгофа вознесется над всем миром в сиянии воскресения. Теперь посмотрим, что же проистекает из положения о несоответствии воли нашей и воли Отца. Выходит, как будто, что нельзя молиться о будущем как о желаемом, ибо «да будет воля Твоя», а не наша. Я думаю, что молиться можно и должно, но только мыслить центр тяжести совсем не там, где он мыслится невольно, т. е. в самом предмете молитвы. Молитва важна не как устремление воли, а как производящая это устремление духовная ценность. Если человек, допустим, будет молиться за врага, это вовсе не нужно Богу само по себе, как ходатайство. Ему нужно только то, из чего это проистекает, т. е. мир души. Если мы будем молиться о России, важна опять не наша воля к ее воскресению, а то, из чего рождается эта воля, т. е. наша любовь к ней.

Только одна молитва имеет абсолютное значение. Это молитва о спасении. В ней воля человека всегда неизменно сливается с волею Отца. И блажен, кто в конце жизни скажет словами псалмопевца:

Но вот Он простер Свою руку,
Врагов одолеть дал мне сил,
Приял мою смертную муку,
В тени своих крыльев укрыл...⁷

А как совершится его спасение, через воскрешение России или иным путем — вопрос второстепенный.⁸

Продолжение доклада

Доклад мой коснулся одной лишь части, очень малой части русского народа, а именно интеллигенции в ее переживаниях последних скорбных лет. Но ведь нас интересует Россия в ее целом. Какой-то религиозный путь совершен народом, но какой? Не знаю. И говорить о России настоящей не смею. Мне хотелось бы только, оглядевшись назад, мимолетно коснуться тех впечатлений о народе, какие сохранились в душе. В деревне мне пришлось жить довольно долго, но народом в его религиозном сознании я в то время интересовалась мало. Я считала, как и большинство русской интеллигенции, что народ нужно просвещать популярными чтениями и лекциями с волшебным фонарем и воспитывать его в духе революции посредством умных политических разговоров и митингов. Это я и делала.

Все мы верим и знаем, что наш народ религиозен, но Боже мой, какая иногда это дремучая религия! Случайно как-то спросила крестьянку, зажигающую лампадку, «Кому ты молишься?» Удивленно посмотрела на меня, как это я не знаю таких, всем

известных вещей, и твердо ответила: «А богам!» Каким же? А вот Николаю Угоднику, матушке пресвятой Богородице, Михайле Архангелу... и добавлю от себя Егорию об лошадаках, Флору и Лавру об коровках, Зосиме и Савватию об пчелках... Какая ж это вера в Единого Троичного Бога и христианских святых. Это самое настоящее многобожие со специальностями богов, как в язычестве. Это мое *первое* впечатление. *Второе*: на первом плане всегда святитель Николай. Я не ошибусь, если скажу, что 9/10 храмов построено Ему. Иногда культ святителя достигает такой могучей силы, что хочется религию назвать уже даже не христианством, а николианством. В чем же тут дело? Какими своими чертами Мирликийский Угодник нужен в такой мере русскому народу? Прежде всего 1) *невероятным количеством* чудес от великих до самых малых, житейских, всем понятных и убедительных. И в самом деле, с кем из нас не было Его чуда?! 2) *непостижимым сочетанием* величайшей благодати, снисходящей к человеческим недостаткам с *грозною властью*, доходящей до бури ярости к изрекающим хулу на Духа Святого.

Теперь *третье* впечатление: наряду с языческими черточками в народе существует какое-то чудесное *проникновение в самые недра христианства*. Вдруг познается самая вершина всего: и воплощения, и смерти, и воскресения, и именно *низведение Благодати, низведение Духа Святого с небес на землю*, и в чем же? Да в самом простом, нехитром и трогательном символе. В *Духов день*, говорит народ, *земля именинница!* Таинственное соединение земли и неба в празднике Благодати. И какое отношение к земле, осиянной Духом и потому таинственно сделавшейся святой. В этот день нельзя копать землю, нельзя рвать травы, касаться нельзя — все стало святым. Разве это не Тайна Премудрости Божией, открывающаяся младенцам чистым сердцем!? Ей Отче, ибо таково было Твое благословение!

И вдруг дьявольский вихрь революции, и святая дотеле земля вся заплевана подсолнушной шелухой, и не только земля, а и святая святых души народной... А дальше что? Не ведаем; но чувствуем всей нашей больной, измученной душой, что сейчас там, над темным хаосом нашей Родины носится Дух Божий, и, когда вновь сойдет на нее, Россия предстанет перед народами в сиянии новой, еще невиданной святости.

Аминь.

¹ Вероятно, имеется в виду Яков Степанович Калишевский (1856–1923), регент, хоровой дирижер, певец (баритон), представитель киевской хоровой школы, которого современники называли «королем регентов», хор Калишевского пел в Софийском соборе (как и в других киевских храмах), собирая толпы поклонников.

² Имеется в виду заседание IV Государственной Думы, состоявшееся 26 июля 1914 года (по поводу начавшейся войны с Германией), на котором депутаты почти единодушно поддержали войну и пообещали сплотиться вокруг «державного вождя, ведущего Россию на бой с врагом славянства».

³ Григорий Ефимович Распутин (Новых; 1869–1916) был убит в ночь на 17 декабря 1916 года в Юсуповском дворце на Мойке; организаторы и исполнители убийства: кн. Феликс Феликсович Юсупов (1887–1967), Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920), вел. кн. Дмитрий Павлович (1891–1942), гвардейский поручик Сергей Михайлович Сухотин (1887–1926).

⁴ В. М. Пуришкевич — ультраправый политический деятель, монархист, один из лидеров «Союза русского народа», во время Первой мировой войны организовал один из лучших санитарных поездов в армии и руководил его работой. В 1915 году был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени с мечами (1915) и мечами к ордену Святого Владимира 3-й степени. О политических взглядах и деятельности Пуришкевича см.: *Иванов А. А. Пламенный реакционер: Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920)*. СПб., 2020.

⁵ Моление о чаше (молитва Иисуса Христа в Гефсиманском саду): Мк. 14: 36.

⁶ В 1453 году после захвата Константинополя османами Собор Святой Софии (Премудрости Божией) — один из древнейших и крупнейших христианских храмов, был превращен в мечеть.

⁷ Вольное авторское переложение псалмов Давида: Пс 16, 17.

⁸ Под текстом: «Спаси Вас Христос! / Вспоминайте иногда в молитвах о / Е<п.> В<ениями-не>».

Приписано рукой неизвестного внизу страницы: «Когда тебя просят, чтобы ты помолился о спасении другого, то ты не отрицайся, хотя и не стяжал еще дара молитвы. Ибо часто *вера того, который просит*, и молящегося (в сокрушении сердца) *спасает*. Моляся же о других и быв от Бога услышан, не возносятся, потому что вера их в том тебе содействовала и помогала.

Иоанн Лествичник. Степень двадесять осьмая».